

60
75176.
НОЯБРЬ.

1902.

Русское Богатство 1902

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клебукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1902.

В. В. Лесевичъ. Буддiйскiя легенды и ихъ соотношенiе съ буддiйскими догматами. Одесса, 1902.

Авторъ раскрываетъ менѣе общезвѣстную и болѣе привлекательную сторону буддiйскаго вѣроученiя, не формулированную въ догматахъ, но нашедшую достаточно определенное выраженiе въ религиозныхъ легендахъ буддистовъ. Буддизмъ сталъ для ходячаго представленiя обычнымъ названiемъ нравственной философiи, исчерпывающей требованiемъ самоусовершенствованiя, достижимаго безъ проявленiй дѣятельной любви къ ближнему. Основны буддiйской этики и источникъ всѣхъ буддiйскихъ заповѣдей объ обязанностяхъ человѣка по отношенiю къ другимъ людямъ и всѣмъ вообще живымъ существамъ—правдивость, созерцанiе, мудрость. Эти „высшiя ступени восходящей къ Нирванѣ лѣстницы“ оставляютъ какъ бы позади себя законъ милосердiя и состраданiя ко всему живущему и сосредоточиваются исключительно и всецѣло на мысли о подавленiи индивидуальности*. Но таковъ буддизмъ лишь въ догматическихъ умствованiяхъ его метафизиковъ; безъискусственныя народныя легенды рисуютъ намъ иное мировоззрѣнiе, проникнутое чувствомъ жизни и вниманiемъ къ ближнему, доходящимъ до самоотверженнаго человѣколюбiя. Рядъ сказанiй, переведенныхъ авторомъ, изображаетъ въ привлекательномъ видѣ эту народную этику, ограничивающую и исправляющую черствость теорiи, несущейся ввысь и забывающей о землѣ.

Книжка издана въ пользу бѣдныхъ дѣтей еврейскаго бесплатнаго училища; биографическая замѣтка о В. В. Лесевичѣ, предпосланная издателями, составлена весьма неудачно.

Д. Н. Овсянико-Куликовскiй. Синтаксисъ русскаго языка. Спб.

Онъ-же. Вопросы психологiи творчества. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1902.

Эти двѣ книги, по первому взгляду имѣющiя между собою столь мало общаго, связаны не только именемъ автора, но и единствомъ содержанiя. Одна какъ будто посвящена предмету заведомо сухому и скучному—русской грамматикѣ, другая, заключающая статьи о Пушкинѣ, Гетѣ и Гейне, занимается матерiей болѣе интересной—литературной критикой. На самомъ дѣлѣ обѣ книги заняты изученiемъ процессовъ человѣческой мысли,—менѣе сложныхъ въ „Синтаксисѣ“, менѣе элементарныхъ въ „Вопросахъ психологiи творчества“. Грамматика основательно дискредитирована въ ходячихъ воззрѣнiяхъ; болѣе всего этому, конечно, способствуетъ школа, оставшаяся упорно недоступною тѣмъ новымъ теченiямъ, которыя оживили въ продолженiе послѣдняго вѣка науку о языкѣ. Въ лучшемъ случаѣ извѣстны популярно изложенныя общiе труды по философскому языковѣзнанiю

родѣ работъ Макса Мюллера; но знаніе, почерпнутое изъ этихъ популярныхъ произведеній, остается поверхностнымъ, если не закрѣпляется знакомствомъ съ процессомъ грамматическаго изслѣдованія, съ совокупностью мелкихъ конкретныхъ фактовъ и обобщеній, относящихся къ области какого-нибудь языка. Популярная книга всегда и непременно рассчитываетъ быть лишь первымъ шагомъ въ вопросахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, она, къ сожалѣнію, слишкомъ часто остается послѣднимъ. Тому, кто хотѣлъ бы не вѣрять на слово автору общедоступнаго сочиненія, кто хотѣлъ бы не остановиться на слишкомъ широкихъ обобщеніяхъ философскаго языкознанія, но наполнить ихъ опредѣленнымъ содержаніемъ, есть у насъ два пути: вернуться къ школьной грамматикѣ, чтобы снова и окончательно придти въ отчаяніе отъ этой схоластической странни, или обратиться къ специальнымъ трудамъ по специальнымъ вопросамъ, чтобы потеряться въ этой безднѣ накопленнаго матеріала, столь рѣдко озаряемаго объединяющей творческой мыслью. Этотъ пробѣлъ хорошо закрываетъ синтаксисъ проф. Овсянко-Куликовскаго. Пусть названіе и первый видъ этой книги, испещренной мелкими примѣрами и требующей отъ читателя болѣе энергій, чѣмъ утренняя газета, не пугаетъ его. Она общедоступна и трактуетъ о тѣхъ предметахъ, интересъ къ которымъ неистребимъ у всякаго, кто думаетъ о загадкахъ языка или читаетъ о нихъ въ общезвѣстныхъ книгахъ. Результаты современнаго языкознанія, — особенно трудновъ его замѣчательнаго представителя А. А. Потебни, — изложенные въ этомъ опытѣ общедоступной грамматики, даютъ настоящее умственное удовольствіе; то, что въ школьной грамматикѣ казалось произвольнымъ, случайнымъ, безсодержательнымъ, освѣщается здѣсь внутренней необходимостью и цѣлесообразностью, правящею движеніемъ рѣчи; мѣсто непререкаемаго и самодовлѣющаго догмата заняло простое научно точное и вдумчивое описаніе фактовъ. И — самое главное — грамматика изложена, какъ часть психологіи, какъ ея матеріалъ. Примѣромъ этой связи пусть послужитъ изложеніе основной идеи, составляющей главный выводъ изъ всего разнообразнаго содержанія книги. Это — идея подвижности грамматическихъ формъ, идея эволюціи предложенія, „открытіе и научное обоснованіе которой составляетъ великую заслугу Потебни“. Здѣсь не мѣсто указывать тотъ путь, какимъ шло въ связи съ развитіемъ мысли — развитіе предложенія; можно лишь указать — въ виду ея общаго историко-философскаго значенія — на тенденцію этого развитія. Въ исторіи предложенія, какъ показалъ Потебни, глагольные формы все развиваются на счетъ именныхъ; категорія субстанціи въ человѣческой мысли уступаетъ категоріи дѣйствія — и это прежде всего находитъ выраженіе въ перестройкѣ предложенія. И быть можетъ, — такова была мысль Потебни, — движеніе новой науки, сводящей элементы ма-

терія къ силѣ, субстанцію къ движенію, условлено или, по крайней мѣрѣ, подготовлено безсознательнымъ переворотомъ, уже совершившимся въ языкѣ европейскихъ народовъ. Наука сознала и кристаллизовала въ ученіе то, чѣмъ уже насыщена была народная мысль въ смутной формѣ. Таковъ захватъ выводовъ, получаемыхъ изъ грамматическаго анализа, изъ изученія элементарныхъ формъ языка. Разумѣется, не отстанетъ отъ него въ широтѣ выводовъ анализъ болѣе сложныхъ произведеній словеснаго творчества. Но анализъ этотъ, если не удовлетворяться его поверхностными суррогатами, разумѣется, и труднѣе—въ мѣру сложности изучаемаго матеріала. Если такъ трудно выяснитъ, какое направленіе принимаетъ и какія преобразованія претерпѣваетъ простѣйшая мысль, находя себѣ выраженіе въ словѣ и предложеніи, то во сколько же разъ труднѣе понять до конца тѣ пути, которыми она идетъ въ созданіи безконечнаго міра образовъ, представляемаго поэтическимъ произведеніемъ.

Задача эта такъ сложна, что мы, несомнѣнно, находимся въ стадіи самыхъ слабыхъ и ничтожныхъ попытокъ даже не рѣшенія, но лишь постановки ея; и только увѣренность, что послѣ многихъ вѣковъ безпредметныхъ исканій мы имѣемъ, наконецъ, единственно надежный методъ для ея рѣшенія,—только эта увѣренность даетъ намъ право думать, что загадка художественнаго творчества будетъ раскрыта до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ способна въ анализѣ явленій дойти наша мысль. Первые критическія работы г. Куликовскаго дали намъ въ свое время случай оцѣнить достоинства его приѣмовъ, осторожныхъ, послѣдовательныхъ и плодотворныхъ. Попрежнему изученіе художественнаго произведенія служить для него лишь средствомъ для обрѣтенія выводовъ общаго характера. Онъ подходитъ къ нему съ широкими данными психологіи и литературной исторіи и выноситъ изъ его изслѣдованія новыя объясненія душевной жизни, особенно въ моменты ея творческаго напряженія. Возможно не удовлетвориться его доводами и не принять его выводовъ, но невозможно не признать, что эти доводы взяты именно тамъ, гдѣ слѣдуетъ, что съ этими выводами надо считаться. Съ ними надо считаться даже тамъ, гдѣ они не приобрѣли опредѣленности, достаточной для того, чтобы быть облеченными въ вполне ясную форму. Такими мы въ особенности считаемъ цѣнныя замѣчанія автора о сущности лирической поэзіи; они очень интересны для того, кто хочетъ найти лирику мѣсто въ той теоріи искусства, которая опредѣляетъ художественное творчество, какъ мышленіе въ образахъ; но они оставляютъ просторъ для слишкомъ многихъ вопросовъ и недоумѣній, чтобы вести дальнѣйшее изслѣдованіе отъ нихъ. Первоисточникомъ такъ называемаго эстетическаго чувства является то чувство умственнаго удовлетворенія, которое сопутствуетъ процессу мышленія—научнаго или художественнаго—

„когда онъ протекаетъ безпрепятственно и успѣшно“. Въ процессъ художественнаго творчества это чувство осложняется другими ощущеніемъ: „воспріятіемъ того *ритма*, который присущъ художественной мысли по преимуществу, какъ въ ея внутреннемъ механизмѣ, такъ и во вѣшнихъ выраженіяхъ“. И вотъ, если это воспріятіе ритма—или „внутренней гармоніи“, какъ его еще иначе называетъ авторъ—„настолько энергично, что является не только спутникомъ художественной мысли, но и однимъ изъ факторовъ въ ней, одною изъ дѣятельностей, ее слагающихъ, то она становится—*лирикой*, лирическимъ (въ обширномъ смыслѣ) мышленіемъ“. Лирику въ тѣсномъ и болѣе употребительномъ смыслѣ мы ищемъ тамъ, гдѣ „чувство гармоніи дано въ сочетаніи съ какимъ-нибудь другимъ чувствомъ опредѣленной категоріи (грусть, радость, любовь и т. д.)“. Уже это рождаетъ вопросы. Мы привыкли считать эстетическое чувство, хотя и спутникомъ, но производнымъ отъ художественной дѣятельности (творчества или воспріятія); чтобы назвать его факторомъ творчества, нужны-бы объясненія, которыхъ мы здѣсь не находимъ. Разъ оно присуще всѣмъ процессамъ мышленія, удовлетворяющаго нашу жажду гармоніи, то на одной его энергичности едва ли возможно основать отличіе лирики отъ другихъ родовъ поэзіи. И это неясное опредѣленіе привело автора къ утвержденіямъ, которыя или нуждаются въ доказательствахъ или—если они по существу не доказуемы—не годятся въ доводы. Онъ цитируетъ одно мѣсто изъ пушкинскаго „Разговора книгопродавца съ поэтомъ“; напомнимъ лишь конецъ его:

Не чисто въ нихъ воображеніе,
Не понимаетъ ясъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновеніе
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придеть вынужденный ими стихъ,
Я содрогансь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идолахъ моихъ и т. д.

Здѣсь, по утвержденію автора, чувство, сравнительно съ другими стихотвореніемъ Пушкина на ту-же тему, выражено „безъ просвѣтленія и умиротворенія, а въ его натуральномъ, живомъ, „кричащемъ“ состояніи“. Съ этимъ можно согласиться, но едва ли причина этого въ томъ, что этому чувству не доставало „переработки лирикою“; не вѣришь ли, что ему не доставало переработки жизнью? И ужъ, конечно, совсѣмъ висить на воздухѣ утвержденіе, что „это—не лирика, и, вообще,—не поэзія; это—прямое, непосредственное выраженіе извѣстнаго чувства, не претвореннаго въ поэтическій процессъ“. Конечно, не всякое хорошее, сильное, умѣлое выраженіе чувствъ есть лирика, конечно, лирика есть выраженіе чувствъ плюсъ еще нѣчто, но, кажется, въ опредѣленіи

этого рѣшающаго придатка авторъ принимаетъ слѣдствіе за причину, что такъ легко въ этой сложной сферѣ. Онъ признаетъ, что лирика есть „орудіе обобщенія чувствъ“, но отграничиваетъ ее отъ иного искусства, находя, что обобщеніе „достигается здѣсь не созданиемъ типовъ“. Намъ казалось бы, что и лирика есть видъ мышленія въ образахъ; она есть „орудіе обобщенія чувствъ“ потому, что она есть выраженіе, описаніе, воспроизведеніе личнаго чувства конкретно-индивидуальнаго, но обобщеннаго, интеллектуализованнаго, возведеннаго въ типъ. Обобщеніе есть не отдаленный результатъ воздѣйствія лирической поэзіи, но ея существеннѣйшій элементъ. Именно поэтому она является орудіемъ сбереженія психической силы,—быть можетъ, наравнѣ съ музыкой, однимъ изъ самыхъ могучихъ. До сихъ поръ это мало признано, и авторъ хорошо опредѣляетъ отживающее прошлое и новое, научное воззрѣніе на лирическую поэзію; онъ съ полнымъ правомъ указываетъ на ту пагубную роль, которую играли въ пониманіи и популяризаціи личной лирики опредѣленія и термины старой эстетики, все толковавшей о красотѣ да наслажденіи, и еще болѣе этой барской теоріи—ея практическое прилѣпаніе: „аристократическо-эпикурейское отношеніе къ поэзіи, сложившееся въ привилегированныхъ классахъ и сводящееся къ безплодному, самодовольному смакованію „красоты“ и самоуслажденію изысканными тепличными чувствованіями, болѣею частью свидѣтельствующими о томъ, что въ существенномъ поэтъ остался непонятымъ“. Этой теоріи и практикѣ сибаритскаго наслажденія, послѣднее слово и исторически необходимое сведеніе къ абсурду которой онъ усматриваетъ въ декадентскомъ эстетизмѣ, онъ считаетъ должнымъ противопоставить иную, новѣйшую, которую называетъ трудовою и демократическою. „Названіе „трудовой“ указываетъ на основную мысль, гласящую, что поэзія, какъ и всякое искусство, есть работа мысли, цѣнность которой опредѣляется сбереженіемъ и накопленіемъ умственной силы и общимъ упорядоченіемъ и возвышеніемъ душевнаго тона. Терминомъ „демократическая“ я хочу только указать на то, что поэтическая работа мысли существуетъ на земномъ шарѣ не для услажденія досуговъ привилегированныхъ классовъ, а для накопленія психической силы, необходимой для поступательнаго движенія человѣчества, а это движеніе сводится къ демократизаціи культуры и всѣхъ ея благъ“.

Эти строки изъ очерка о Гейне,—наиболѣе оригинальнаго, чѣмъ насъ подарила недавняя столѣтняя годовщина рожденія поэта. И здѣсь, и въ характеристикѣ Гете, и въ статьѣ о Чеховѣ далеко не все на первый взглядъ безспорно, но таковы ужъ удѣлы самостоятельной мысли: торная дорога не передъ нею, а за нею.